

Епископ Бачский Иринеи: Сербь всегда на стороне России как исторического союзника и друга

О единстве братских славянских народов, объединяющей силе Православия и торжестве справедливости над насилием и войнами рассказал в интервью "Интерфакс-Религия" иерарх Сербской Православной Церкви епископ Бачский Иринеи.

– На юго-востоке Украины продолжает литься кровь, в трудном положении оказалась Украинская Православная Церковь Московского Патриархата. Националисты обвиняют ее в поддержке ополченцев, происходят гонения на ее священников и паству, раскольники при поддержке радикалов захватывают ее храмы. Как к этому беззаконию относятся в Сербской Православной Церкви?

– Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что мы очень мало знаем о том, что происходит на Украине. Исходя из опыта Сербской Церкви с расколами в Македонии, в Черногории, мы считаем, что нельзя смешивать церковную жизнь с проблемами мира сего - с политическими, национальными, псевдонациональными и так далее. В Церкви мы все являемся единым народом Божиим, все мы братья: как говорится в Священном Писании, «нет ни эллина, ни иудея, нет ни раба, ни свободного», даже нет «ни мужского, ни женского», все – один человек во Христе. В Церкви неважно, кто серб, кто русский, кто украинец, кто цыган. Мы все причащаемся одним Телом Христовым, одной Кровью Христовой, и, таким образом, наше родство больше любого земного родства между родителями и детьми, между братьями и сестрами. Наше родство глубже.

Поэтому смешно и греховно создавать проблемы внутри Церкви на основании национальной принадлежности или церковного центра, ведь исторически это меняется. У нас, например, церковной столицей был город Печ, там сейчас сербов почти нет, их силой выгнали. В русской истории, в истории Русского мира Киев является первоисточником христианства на Руси. Но исторически сложилось так, что центром церковной жизни является Москва. Так и у нас было: Охридская Церковь Македонии старше Сербской Церкви на Балканах, а потом она стала автономной частью Сербской Церкви.

Если мы признаём порядок в Церкви, установленный, признанный всеми, нам это совсем не вредит – ни нашей жизни, ни путям нашего спасения. В этом смысле я думаю, что все, кто здраво мыслит, на украинской земле понимают, что Церковь едина, а то, что государство было единым, а сегодня не едино, – это исторический процесс, а в истории нет вечных процессов. Я не говорю о

том, что именно нужно делать или о том, как будет. Этого никто не знает. Но никто не может утверждать, что снова не будет одно государство. Возможно, будут новые государства на территории Украины. Есть разные процессы и разные силы в истории, и не всегда добрые силы, но мы от этого не зависим.

– Какое напутствие как архипастырь Вы могли бы дать украинским националистам и раскольникам?

– Раскольникам только одно напутствие – нет ничего дороже единства Церкви. Мы это говорим и нашим раскольникам в Македонии, и не только; у нас есть такой же раскол на основании фанатизма, маленький, но все же раскол, такие группировки есть и в Русской Церкви, и, насколько мне известно, в Греции. По ничтожным, ложным причинам разрушать единство – это злодеяние, а не какой-то мелкий грех. Это немыслимо. Святой Иоанн Златоуст говорит, что разбивать единство Церкви – такой грех, что, даже пролив потом мученическую кровь, не сможешь его искупить.

В Церкви никто никому не мешает. В каком-то смысле каждая местная Церковь, каждая епархия внутренне свободна. Мы не имеем чиновничьих аппаратов, государственных структур. Церковь – живой богочеловеческий организм. Во внутренние отношения одной епархии или Поместной Церкви не может вмешиваться даже Собор этой Поместной Церкви, не может даже Вселенский Собор. Только если возникает серьезная проблема или происходит явный беспорядок, или вдруг появляется ложное вероучение. Я в свое время долго жил в Греции, тогда я принадлежал к Греческой Церкви, но, тем не менее, не переставал был сербом по происхождению. Если бы я проживал здесь, в России, то был бы в Русской Церкви. Нельзя переносить национальное на Церковь, Церковь сверхнациональна.

– Отделение Украинской Православной Церкви от Московского Патриархата, о котором иногда говорят сторонники ее автокефалии, – это зло или благо, по-Вашему?

– Автокефалия имеет свои условия, исторические и церковные. Автокефалия – относительно новый феномен, который ведет свою историю примерно с IV века. Она придумана именно для того, чтобы обеспечивать единство Церкви, а не разрушать его. Сегодня те, кто все время говорит об автокефалии, ведут борьбу против единства Церкви, потому что в их понимании автокефалия – это не внутренняя свобода, не ответственность за управление местной Церковью, а как бы государственная суверенность. Нация с нацией не хочет соприкасаться. Но это невозможно: в Церкви все друг с другом связаны. Если кто-то является членом Московского Патриархата, он автоматически принадлежит и нам, сербам, мы все вместе – одно тело, один организм. Но нашим братьям-автокефалистам это непонятно, они мыслят категориями политики и земных ценностей, а

не церковности.

Автокефалия может произойти исторически как процесс нормального роста, созревания. Тогда это разрешается с согласия всех Церквей, а не насильственными методами. Такая автокефалия не признается. К сожалению, есть разные ложные автокефалии. У нас – так называемая македонская автокефалия, одна из группировок на Украине тоже называется "автокефальной церковью". Так же было в Болгарии несколько лет назад. К сожалению, это довольно частое явление именно потому, что люди рассуждают по-светски. Если это нужно и полезно, то когда-нибудь оно сбудется, но в результате конструктивного диалога внутри Церкви и созревания изнутри. Никто никогда ничего не исключает. Мы тоже сказали нашим раскольникам, когда вели с ними переговоры, что об этом мы должны разговаривать все – и Константинополь, и Москва, и если это полезно, то оно произойдет в свое время. А путем путча, путем насилия нельзя заставить Церковь дать вам то, что вам не дано.

– Как Вы оцениваете миротворческие усилия Украинской Православной Церкви?

– Конечно, для нас всех миротворчество – святая задача. Когда у нас была война, нам помогали наши православные братья: русские, греки и остальные, помогали и честные неправославные христиане. Много делал ныне покойный Патриарх Алексий II и тогдашний митрополит Смоленский, нынешний Патриарх Кирилл. Организовывали конференции, приезжали в Сараево, когда была война.

Надо помогать всем, кто страдает. Надо стараться прекращать каждое братоубийство и кровопролитие, ибо это грех. Когда мы получали помощь из России, Греции или из других стран, мы распределяли ее среди всех, кто имел в ней потребность, не делили людей на «своих» и «чужих». Помогали и православным, и католикам, и мусульманам. А на Украине проблема усугубляется тем, что там все православные, и те, и другие, и третьи, и, к сожалению, они видят друг в друге не братьев, а врагов. В этом ошибка, в этом грех.

Миротворчество в такой ситуации – самая главная задача и помощь, поддержка всем, кто страдает, и призывы к миру и согласию между братьями, потому что каждая война между людьми в конечном итоге братоубийственна. А между родственными народами – особенно. Как у нас – между сербами, македонцами, черногорцами. Ведь практически нет границ, смешанные браки. Здесь то же самое. Кто может провести границу между Украиной и Россией? Как? Сколько миллионов русских людей живет на Украине, сколько украинцев в России, как делить семейства между собой? И в этом смысле я считаю самым важным миротворчество, но не внешнее, не политиканское. Подлинное миротворчество призвано явить любовь и сострадание, показать всем, что мы не враги, что мы, несмотря ни на что, едины. Если исходить из этого понимания, станет

ясно, что большинство этих проблем нам навязаны, они искусственны, стыдно, что они существуют. Я говорю это на основании нашего исторического опыта в Сербии, в Югославии и на основании того, что мы слышим об украинских событиях.

– Как сербы относятся к санкциям против России? Как Вы оцениваете позицию США и Европы в отношении России?

– Политическое руководство Сербии не приняло западного требования, можно даже сказать, диктата, чтобы Сербия как страна-претендент на членство в Евросоюзе присоединилась к санкциям ЕС. Наши руководители – и президент, и премьер-министр – сказали, что мы этого делать не будем. Мы живем в Европе, у нас нет общей границы с Россией, мы хотим быть вместе с остальными европейскими странами, но нас связывает с Россией вековая дружба, сотрудничество и искренняя любовь, и мы никогда не будем вводить санкции против России. Что касается руководства, этого достаточно, потому что давление на них оказывается, и, может быть, даже такое, о котором не пишут в СМИ.

Если говорить о сербском народе, он всегда на стороне России как исторического союзника и друга и, прежде всего, единоверного народа. Много сербов во время турецкого рабства и австрийского владычества над нашими территориями нашли приют в России и на территории сегодняшней Украины. В Славянске и окрестностях, где воюют, находится поселение сербов, которые нашли там приют в XVIII веке. Славянск когда-то назывался Славяно-Сербск, сербы, правда, очень быстро там обрусели – язык родственный, вера одинаковая, так что уже в следующем поколении они забыли сербский язык.

После октября 1917 года миллионы русских стали беженцами, многие из них нашли приют у нас и внесли большой вклад и в жизнь нашей Церкви, и в жизнь нашей страны. Все важные здания в Белграде построили русские архитекторы. Под турецким игом у нас почти исчезло женское монашество, а благодаря русским монахиням оно возродилось, я сам знал в молодости уже очень пожилых, но очень молитвенных, духовных монахинь русского происхождения.

Исторически мы так пронизываем друг друга, так смешаны между собой, что просто немыслима наша история без русской. Некоторые митрополиты в Киеве были сербского происхождения – например, святитель Киприан. Мы не принадлежим разным мирам, у нас та же самая система ценностей, та же реакция на вызовы современного мира; русский и серб одинаково среагируют, и греки тоже. Мы все являемся одним цивилизационным субъектом. Даже пресловутый Хантингтон, который говорил о конфликте цивилизаций, считал, что православные – это особый мир, что они не вместе с западным христианством. Конечно, он преувеличил. Есть много общего между западными христианами и нами, но то глубинное единство, которое существует внутри

православных народов, является жемчужиной, его не надо выдумывать - оно нам дано, здесь нет нашей заслуги, так сложилось благодаря нашей общей Православной Церкви.

Сербский народ – против всяких санкций, поэтому нас очень часто наказывают, не доверяют нам, справедливо считая, что Сербия никогда не будет против русских. Они правы, мы никогда не будем против России. Конечно, эти выводы и решения нам не всегда приятны, но что делать!

– Как вы считаете, не являются ли украинские события провокацией для вовлечения России в большую войну?

– Бог знает! Ясно, что опасность налицо. Когда-то во времена Хрущева они боялись советских ракет на Кубе, потому что в таком столкновении время полета ракеты имеет значение, минута или две минуты. Так и для России не все равно, где натовское оружие. Особенно это важно, потому что они обманули и Горбачева, и первых постсоветских руководителей, они обещали, но это, кажется, не было должным образом зафиксировано, что НАТО не будет расширяться даже на всю Германию. И обещали твердо, что на Восточную Европу и бывшие советские республики не будет. Однако они показывают, что хотят установить свое присутствие очень близко к Москве, и ясно, что могущественная держава реагирует на это.

Особенно грустно то, что братья должны воевать против братьев. Что получают украинцы, если столкновение Востока и Запада будет на их территории? Только страдания, ужас и смерть.

Думаю, что мудрая позиция Церкви, позиция любви, мира, примирения между братьями – это единственная возможность найти выход из тупика. Войной, насилием ничего не добьешься. Иногда складывается впечатление, что в этом нашем мире насилие побеждает, но это очень поверхностное впечатление, на долгий срок этого никогда не будет. Это просто невозможно, потому что, помимо человеческой логики, насилия, несправедливости, есть внутренний моральный закон, которым Бог снабжает наш мир, нашу историю.

В конечном итоге будут решать не люди, а Бог, и в этом наша надежда. А где мы находимся – там, где несправедливость и ненависть, зло, или там, где любовь и справедливость, – это уже выбор каждого из нас и как отдельных личностей, и как народов, и как представителей Церквей.